

Керамика стоянки Кошкино V: 60 лет спустя

Екатерина Сергеевна Яковлева[#], Екатерина Валерьевна Гладышева

Центр историко-культурных исследований «Астра», Челябинск, Россия
E-mail: lugsamildanah@yandex.ru

Аннотация. Эпонимная неолитическая стоянка Кошкино V является знаковым памятником в историографии неолита не только лесостепного Притоболья, но и Урала и юга Западной Сибири. Для получения новых данных о памятнике в 2021–2022 гг. были произведены археологические раскопки его части. В рамках исследования произведен анализ первичных опубликованных источниковых данных, относящихся к данному памятнику и первому раскопу, а также историографии, связанной с кошкинской культурой. Отмечается, что для памятников Среднего Зауралья керамика кошкинского типа является наиболее ранней посудой, в то время как для таежной зоны и Приишимья хронологический приоритет за плоскодонными комплексами. Лесостепное Притоболье в этом контексте скорее вписывается в периодизационную схему Среднего Зауралья. Керамический комплекс современного раскопа рассмотрен с точки зрения как типологии, так и технико-технологического анализа. Публикуются радиоуглеродные даты, полученные прямым датированием керамики и прокаленного грунта из заполнения объекта раскопа. Делается попытка сравнения новых материалов с опубликованными данными утраченной коллекции из первого раскопа (1962 г.). В результате делается вывод о затруднительности проведения прямых параллелей между ними, несмотря на наличие общих черт в типологическом составе коллекций. Отмечается, что при современных раскопках выявлена группа текстильной керамики с примесью охры, пока не имеющая прямых аналогов на территории лесостепного Притоболья, что ставит новые исследовательские задачи по поиску более представительных керамических комплексов подобного типа.

Ключевые слова: неолит, Притоболье, кошкинский тип керамики, технико-технологический анализ, текстильная керамика

Цитирование. Яковлева Е.С., Гладышева Е.В., 2025. Керамика стоянки Кошкино V: 60 лет спустя, *Уфимский археологический вестник*, т. 25, № 1, с. 102–112. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2025.25.1.008>

Ceramics of Koshkino Site: 60 Years Later

Ekaterina S. Yakovleva[#], Ekaterina V. Gladysheva

Center for Historical and Cultural Research “Astra”, Chelyabinsk, Russia
[#]E-mail: lugsamildanah@yandex.ru

Abstract. The eponymous Neolithic Koshkino V site is a significant monument in the Neolithic historiography both in the forest-steppe Pritobolye and in the Urals and the south of Western Siberia. To obtain new data about the site, one of the authors conducted field surveys and small-scale excavations in 2021–2022 aiming to acquire a relevant ceramic assemblage. This paper consolidates all available published data on the archive (so far lost), and briefly analyzes the Koshkinskiy type of ceramics in the historiographical context. The study also compares the obtained data with the findings of the new fieldwork. The materials under discussion are extremely limited in number; however, the historiographical context renders their examination quite significant. The ceramic items were exposed to typological and technical & technological tests. The excavation operates two well-coordinated radiocarbon dates established through direct dating of the ceramics and the excavated soil. The dates allow to attribute the explored complex to the Late Neolithic. Additionally, the new excavation discovered a group of textile ceramics. There is nothing similar anywhere else in the Pritobolye. Similar complexes in adjacent territories are associated with the Eneolithic to the Early Bronze Age. Since the discussed materials are too scarce for far-reaching conclusions, the authors consider it appropriate to adhere to the Neolithic dating obtained through radiocarbon dating until more representative data on textile ceramics in the region is acquired. The attempt to compare the new materials with the lost archival collection is highly challenging and does not allow establishing direct parallels. Although similarities in the typological composition are clearly present. Overall, the obtained data necessitate more fieldwork in the region under consideration, including reconnaissance surveys.

Keywords: Neolithic, Pritobolye, Koshkinskiy type of the ceramics, technical & technological analysis, textile ceramics

Citation. Yakovleva, E.S., Gladysheva, E.V., 2025, "Ceramics of Koshkino Site: 60 Years Later", *Ufa Archaeological Herald*, vol. 25, no. 1, pp. 102–112. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2025.25.1.008>

Введение

Стоянка Кошкино V – неолитический памятник Зауралья (север Курганской области, левый берег р. Тобол при впадении р. Ик) с довольно непростой судьбой. Эпонимная для целой археологической культуры, стоянка долгие годы, если не десятилетия, считалась утраченной, а коллекция – потерянной. Отсутствие физически осязаемых следов памятника, ставшего отправной точкой формирования или составной частью нескольких культурно-хронологических концепций зауральского неолитоведения, ослабляет позиции всех участников дискуссии. В этой связи одним из авторов была поставлена задача найти стоянку и вернуться к исходным данным путем новых раскопок, что было осуществлено в 2020–2022 гг. Так как наиболее общие результаты полевых работ уже введены оборот [Яковлева, 2023], а полная публикация раскопок готовится в отдельной статье, ниже будет представлен только вещевой комплекс памятника, представленный почти исключительно керамикой, для которой, помимо базовой типологической характеристики, проведен технико-технологический анализ и получена радиоуглеродная дата. Главная задача публикации полученного материала – вернуться к осмыслению первоисточника, послужившего началом основных дискуссий, и возможности опоры на него, а также представить нетипичные фрагменты керамики из новых раскопок, требующие поиска памятников в регионе с более представительными коллекциями такого рода.

История проблемы: коллекция

Обращение к новым материалам невозможно начать без обращения к истории и историографии вопроса (рис. 1; 2). Стоянка Кошкино V в Курганской области была открыта в 1962 г. участниками экспедиции Л.Я. Крижевской – В.Т. Юровской (Ковалевой) и А. Ширяевым, однако данное событие, по-видимому, не было зафиксировано в отчетной форме. На указанный год и территорию известен только один отчет [Бушуева, Юровская, 1962], но информация о стоянке Кошкино V в нем отсутствует.

Первые печатные сведения о памятнике можно связать со статьей Л.Я. Крижевской 1970 г., в которой даны фотографии трех фрагментов керамики и краткая характеристика комплекса [Крижевская, 1970], суть которой состояла в атрибуции керамики как «чрезвычайно близкой» боборыкинской, сходной «вплоть до тождества» (рис. 1). Далее, уже в 1977 г., автор приводит краткие сведения о самой стоянке: «расположена на первой надпойменной террасе левого берега р. Тобола у южной оконечности д. Кошкино, в Белозерском р-не Курганской обл.»

[Крижевская, 1977. С. 64]; там же приводится фотография фрагментов керамики. Авторы раскопок в разное время указали площадь исследований 20–25 м², без плана раскопа или подобных данных [Крижевская, 1977. С. 64; Ковалева, 1989. С. 26].

Следующее обращение к материалам стоянки состоялась в работах В.Т. Ковалевой 1980-х гг. В статье 1981 г. автор приводит в иллюстрации ряд фрагментов без указания их происхождения [Ковалева, 1981. С. 59], пять из которых можно связать с Кошкинской стоянкой – два совпадают в ранее опубликованными фотографиями Л.Я. Крижевской и три публикуются впервые, а в 1989 г. будут приведены как керамика стоянки Кошкино V [Ковалева, 1989. С. 73. Рис. 9, 3–5]. Здесь нужно отметить, что два из опубликованных Л.Я. Крижевской фрагмента – коническое доньшко и маленький венчик с орнаментацией мелкими ямками вдоль венчика и волнистыми линиями в отступающе-накольчатой (?) технике по плечу – более в публикации не попадали. Кроме того, если допустить, что в 1981 г. прорисовки делались с предметов, в то время как последующие [Ковалева, Зырянова, 2008. С. 73] – с фото и предыдущих прорисовок, можно сделать два предположения:

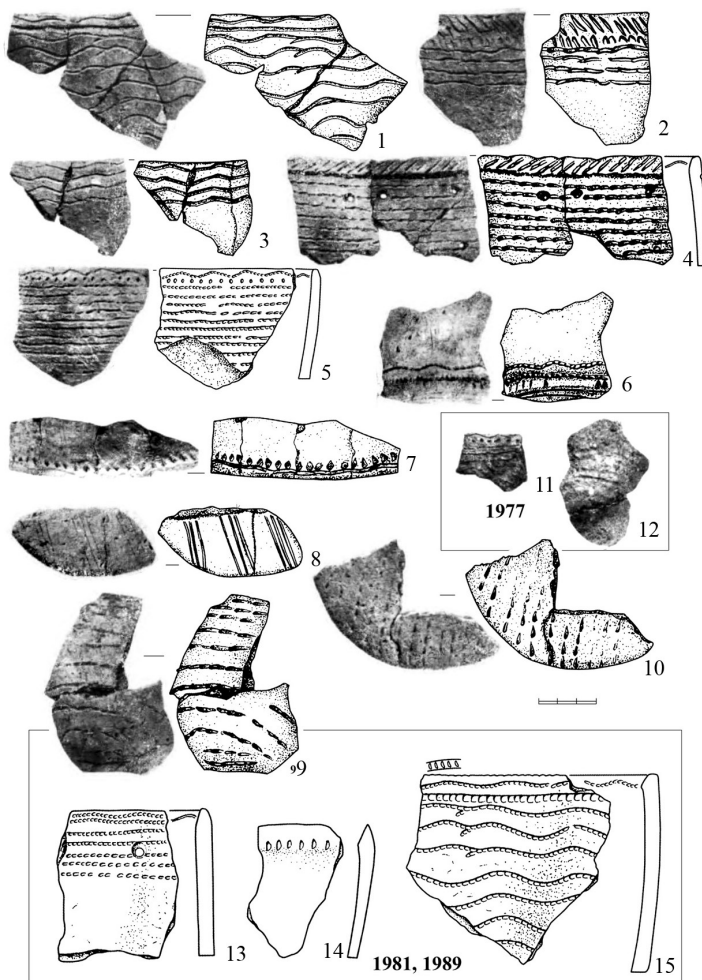

Рис. 1. Стоянка Кошкино V. Керамика из раскопок 1962 г.
Fig. 1. Koshkino V site. Ceramics from 1962 excavations

1) коллекция была утрачена после 1981 г., 2) на момент подготовки статьи 1981 г. коллекция могла быть уже частично утрачена¹. К сожалению, нельзя не добавить и того, что из-за отсутствия в статье В.Т. Ковалевой 1981 г. указаний на происхождение конкретных предметов в иллюстрации, связь трех венчиков (рис. 1, 13–15) со стоянкой Кошкино V, указанная автором 8 лет спустя после их публикации, не может считаться надежным фактом.

Таковы исходные данные о коллекции стоянки Кошкино V работ 1962 г.

История проблемы: концепции

Стоит заострить внимание на том, как менялось «место» кошкинской керамики в системе представлений о зауральском неолите, и предвратить это напоминанием о том, что после открытия К.В. Сальниковым в 1952 г. плоскодонной боборыкинской керамики «позднего» облика в сопровождении «раннего» микролитовидного инвентаря, региональная археология каменного века оказалась в крайне затруднительном положении в попытке осмыслить данный феномен. Кошкинский тип керамики на долгие годы стал (и остается) «заложником» боборыкинской проблематики.

Как было отмечено, в работах Л.Я. Крижевской, осмыслявшей боборыкинские комплексы как энеолитические, кошкинская керамика была представлена как более ранняя стадия плоскодонной посуды. В концепции В.Т. Ковалевой 1980-х гг. генетическая связь кошкинской и боборыкинской керамики сохраняется, но феномен «кошкино» получает самостоятельный статус в качестве типа керамики и памятников раннего неолита, связанный с южным миграционным импульсом из Арало-Капийского региона, параллельно и в противовес автохтонному козловскому типу (керамики и памятников). С 1998 г. В.Т. Ковалева в соавторстве с С.Я. Зыряновой отстаивает позицию переднеазиатского происхождения боборыкинской культуры, соответственно, «поднимая» статус кошкинского типа до культуры и размыкая его связь с поздненеолитическими комплексами [Ковалева, Зырянова, 1998; 2001]. Начиная с 2000-х гг. и до настоящего момента кошкинские материалы (преимущественно речь о керамике) Среднего и Южного Зауралья рассматриваются в контексте раннего неолита (середина – последняя треть VII тыс. до н.э.), причем с хронологическим приоритетом по отношению к козловской (кокшаровско-юрьинской) керамике

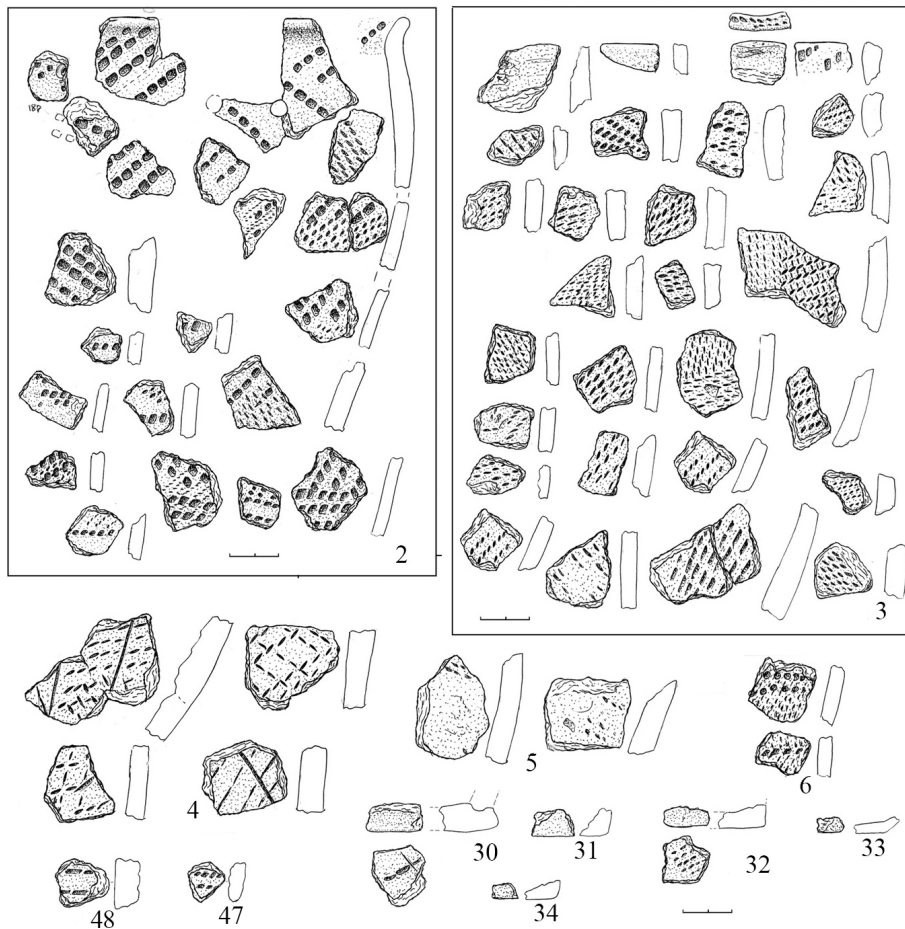

Рис. 2. Стоянка Кошкино V. Керамика группы I
 Fig. 2. Koshkino V site. Group I ceramics

¹ Одна из авторов статьи предприняла безуспешную попытку поиска коллекции в археологических фондах УрФУ, так что проблема ее утраты, по-видимому, уже неразрешима.

[Шорин, Шорина, 2018; Жилин и др., 2007; 2020]. Сопоследовательность и генетическая преемственность признается только для басьяновского типа керамики [Шорин, Шорина, 2019]. Также общим местом стало представление о сосуществовании керамики указанных типов в рамках единых комплексов и «сообщинностей», а также их большом сходстве [Мосин, 2016; Шорин, Шорина, 2019].

Параллельно на смежной с Зауральем территории Тоболо-Ишимья существуют неолитические комплексы, которые В.А. Зах интерпретирует

в обратной хронологической последовательности – как боборыкинско-кошкинские [Зах, 2009]. Не углубляясь здесь в довольно объемную дискуссию по этому вопросу, отметим, что в настоящий момент методами радиоуглеродного датирования ранняя хронологическая позиция плоскодонной керамики надежно подтверждается по крайней мере для поселения Мергень 6 [Еньшин, 2020], не говоря уже о целой свите раннеолитических плоскодонных комплексов региона [Клементьева, Погодин, 2020; Чаиркина, Беспрозванный, Молодин, 2020].

Таблица 1

История проблематики стоянки Кошкино V и кошкинской культуры

Таблица 1

История проблематики стоянки Кошкино V и кошкинской культуры

Год	Событие/тезис/автор
1962	Открытие стоянки Кошкино V: Л.Я. Крижевская, В.Т. Юровская (Ковалева)
1970, 1977	Кошкинская керамика – более ранняя боборыкинская (Л.Я. Крижевская)
1981, 1989	Кошкинский тип керамики/памятника – предшествующий этап боборыкинской культуры (В.Т. Ковалева)
1998	Кошкинская культура не предшествует боборыкинской культуре (В.Т. Ковалева, С.Я. Зырянова)

Таким образом, керамика кошкинского типа в текущей историографии зауральского неолита существует в двух состояниях, как будто взаимоисключающих: как наиболее ранняя круглодонная керамика в верховьях бассейна р. Туры, предшествующая и чрезвычайно типологически близкая козловской (кокшаровско-юрьинской), и как чуть более поздняя и последующая плоскодонным комплексам в Приишимье. На территории Тоболо-Исетья, где была впервые найдена кошкинская керамика, можно констатировать применимость схемы Среднего Зауралья – раннеолитический возраст и сосуществование в комплексах с козловской керамикой, но, судя по имеющимся датам [Выборнов, Мосин, Епимахов, 2014], керамика в данном регионе появляется ощутимо позднее, чем в Туринском бассейне, особенно при продвижении к югу.

Таким образом, несмотря на усилия, предпринятые В.Т. Ковалевой и С.Я. Зыряновой в обобщающей статье 2008 г. [Ковалева, Зырянова, 2008], по конституированию представлений о кошкинской керамике, пространство для дискуссий остается открытым, что делает необходимым возвращение к отправной точке сложения проблематики, то есть к материалам стоянки Кошкино V.

Характеристика керамики раскопок 2022 г.

В результате проведения шурфовки и раскопок общей площадью 67 м², а также сбора подъемных материалов из противопожарной траншеи, был получен крайне скудный материал. Всего в процессе полевых работ было получено 645 экз., включая материалы шурфов и подъемных сборов из траншеи. Непосредственно из раскопа получено 574 предмета, то есть насыщенность слоев составила

до 9 экз./м², что существенно ниже аналогичных показателей для региона, в среднем около 50 экз./м². Собственно, слои памятника представлены сугубо разными цветности, с включениями следов горения в виде золы и углистых крошек, общей мощностью 10–25 см. Формирование напластований связано с сооружением и использованием постройки, представлявшей собой святилище, материковыми выкидами, возникшими при выкапывании круглопланового ровика, заполнением пространства продуктами горения, перекрытием сгоревших остатков постройки ранее снятым дерном. Из заполнения данного объекта происходил один фрагмент керамики, использованный для датирования. Планистратиграфически все предметы залегали в культурных слоях преимущественно вокруг ровика и внутри площадки. Вторая примечательная характеристика – исключительно малое количество каменных артефактов даже по меркам лесостепного Притобоя: 11 предметов, т.е. всего 1,7% от всех находок.

Основная масса полученных предметов представляет собой неорнаментированные, непрофилированные и культурно-неопределимые фрагменты керамики. Так как сначала разведками, а затем раскопками было установлено, что стоянка не является однослойной и включает в себя материалы раннего железного века (либо более позднее, невыразительность фрагментов затрудняет точность атрибуции), для технико-технологического и планиграфического анализа были отобраны только те фрагменты, принадлежность которых к эпохе камня устанавливается надежно. Полученная выборка артефактов делится по крайней мере на три орнаментальные группы: преобладающая «текстильная», условная «прочерченно-накольчатая» и гребенчатая. Ввиду чрезвычайной фрагмен-

тированности комплекса, все из них представлены единичными фрагментами венчиков, стенок или донцев, или в двух случаях достаточно условно подобранными остатками сосудов. Данные группы не являются внутренне однородными, выделены для возможности минимального обобщения материала, который ниже приводится полностью и в соответствии с научным отчетом автора полевых исследований. Номера предметов на иллюстрациях соответствуют коллекционной описи и образцам технологического анализа, и сохранены для удобства прямого сопоставления между изображением и образцом, а также датой, размещенной в отчете.

Керамика 1 группы (рис. 2) представлена остатками примерно от 12 сосудов, в нее входят два «скопления» фрагментов, предположительно от двух сосудов, для которых можно реконструировать слабопрофилированную горшечно-баночную форму (рис. 2, 2, 3). Судя по остаткам 5 плоских доньшек (рис. 2, 30–34), скорее всего, происходящих от этой группы, можно говорить о плоскодонных формах. Фрагментированность комплекса не позволяет давать внятный комментарий относительно орнамента. Часть фрагментов содержит следы отступающе-накольчатой орнаментации или прочерчивания с нажимом, часть – явные оттиски крупного гребенчатого штампа, часть сходна с веревочными оттисками, – вероятно, это своеобразный штамп, имитирующий веревочный/текстильный оттиск. С другой стороны, нельзя исключать технологический характер появления подобных следов на поверхности в качестве отпечатков ткани-прокладки в процессе формовки, а физическая сохранность фрагментов не дает воз-

можности делать выводы о конструировании сосудов и обработке поверхности. По этой причине характеристика данной группы как «текстильной» приводится в кавычках. Объединяют эту группу толстостенность – в среднем 0,9–1 см, визуальное фиксируемый шамот в примеси к тесту и стилистическое сходство довольно «густо» нанесенного орнамента – с сильным нажимом, плотно или поверх прежней орнаментации. Данная группа несколько близка боборыкинскому типу керамики своими морфологическими и технологическими характеристиками, однако не имеет прямого соответствия в ней: гребенчатые и веревочные, либо текстильные, орнаменты несвойственны этому типу посуды. Найти прямое соответствие этой группе керамики не удалось. Возможно, она представляет собой результат смешения разных гончарных традиций. Для одного из сосудов данной группы в Лаборатории изотопных исследований РГПУ им. А.И.Герцена по керамике была получена радиоуглеродная дата 5531 ± 70 BP (2σ 4547–4172 calBC) (образец SPb-4032), хорошо согласующаяся с датой по грунту из заполнения объекта в том месте, откуда происходил по крайней мере один фрагмент данного сосуда – 5556 ± 70 BP (2σ 4586–4246 calBC) (образец SPb-4031).

Керамика 2 группы (рис. 3) не однородна, выделена условно, по орнаментальному – прочерченно-накольчатому – признаку, представлена культурно определяемыми типами: некоторые фрагменты соответствуют кошкинским характеристикам с линиями (рис. 3, 10, 13, 15, 16), прочерченными тонким орнаментом, другие – козловским (рис. 3, 12, 46). Есть также скопление фрагментов от одного сосуда, предположительно

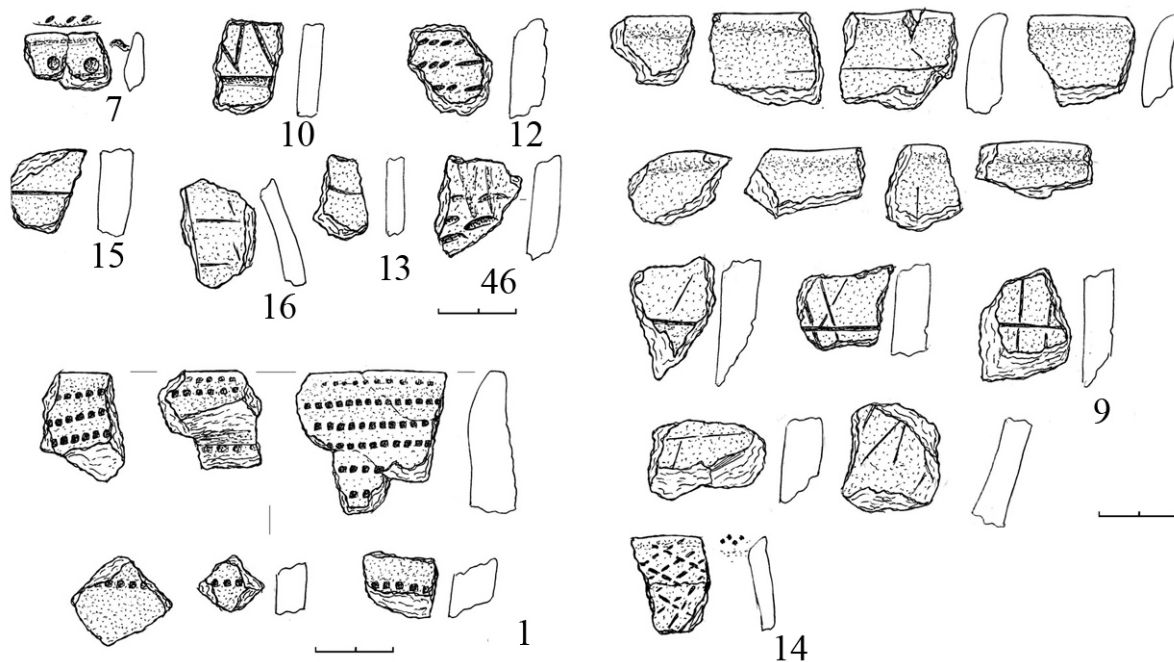

Рис. 3. Стоянка Кошкино V. Керамика групп 2 и 3
Fig. 3. Koshkino V site. Group 2 and Group 3 ceramics

горшечной формы, с разреженным прочерчиванием тонких линий, который можно интерпретировать как боборыкинский (рис. 3, 9). Однако вполне возможна его интерпретация как позднего сосуда эпохи раннего железа. Ввиду отсутствия возможности достоверной атрибуции на основании типологии или контекста залегания он не был включен в технологический анализ.

Керамика 3 группы – гребенчатая (рис. 3). Представлена остатками от трех сосудов полуденского типа – с гребенчатой орнаментацией. Даже при такой количественной непредставительности, фрагменты не выглядят однородной группой: остатки одного «сосуда» (рис. 3, 1) отличаются толстостенностью (до 1 см), шероховатой поверхностью за счет песчаных включений и орнаментацией штампом с квадратными зубцами (размером 0,15 см) в виде горизонтальных оттисков, второй близок описанному «сосуду» (рис. 4Б, 11), но тонкостенен (0,5 см), третий тонкостенен (0,5 см и менее), орнаментирован скрещенными оттисками тонкого (до 0,1 см) гребенчатого штампа с узкими прямоугольными зубцами (рис. 3, 14). При этом оттиски зубчатого инструмента данной группы как будто не находят совпадений среди оттисков штампа в первой группе, где гребенчатый орнамент имеет значительно более крупные зубцы (до 0,3×0,4 см) прямоугольной или квадратной формы.

Таким образом, в полученной коллекции присутствуют единичные фрагменты кошкинской керамики, но также имеют место козловские и полуденские фрагменты, а преобладают фрагменты сосудов неустановленного типа с текстильной орнаментацией. За пределами Притоболья текстильная керамика известна в энеолитических комплексах ботайской культуры Северного Казахстана [Чалая, 1973. С. 199], раннебронзовой керамике типа Вишневки I и Бишкиль I, V в Северном Казахстане [Зданович, 1973], пос. Чилимка 4 в долине р. Конды Северо-Западной Сибири [Глушков, Глушкова, 2009. С. 51]. Однако прямого сходства с плоскодонной «некошкинской» керамикой стоянки Кошкино V эти материалы не имеют, кроме того, значительно уступая по возрасту.

В данном случае, даты, полученные нами именно по керамике «текстильной» группы, не только имеют позднеэнеолитический возраст, но и совпадают с датой по грунту из заполнения объекта, который является кратковременным и одновременным (в рамках каменного века) – в то время как вся совокупность разнотипной керамики раскопа 2022 г. соотносится с эпохами как раннего, так и позднего неолита. За отсутствием надежных аналогий в лесостепном Притоболье, автор раскопок считает корректным, до получения более надежных данных, пока рассматривать полученный керамический комплекс в соответствии с полученными датами и периодизацией региона, тем бо-

лее что использование веревочной орнаментации фиксируется на протяжении неолита на разных его этапах [Дубовцева, 2013].

Технико-технологический анализ керамики

В ходе работ 2022 г. была получена коллекция, из которой для технологического анализа были отобраны образцы от восьми разных сосудов. Ввиду фрагментированности сосудов и отсутствия археологически целых форм, наиболее репрезентативные результаты могут быть получены по подготовительной стадии изготовления керамики. В ходе работы была получена информация об исходном пластичном сырье и формовочных массах, использованных для изготовления сосудов.

Для определения типа исходного пластичного сырья использовались признаки, выделяемые для глин, илистых глин и илов, описываемые в работах А.А. Бобринского [Бобринский, 1978], И.Н. Васильевой и Н.П. Салугиной, а также материалы наблюдений за местными источниками глинистого сырья. Так как дообжиг образцов в муфельной печи не производился, мы можем только условно разделить исходное сырье на ожелезненное и слабоожелезненное. Для удобства в таблицах мы обозначили ожелезненное исходное пластичное сырье (сырье красноватого, коричневого цвета с большим количеством железистых включений) цифрой 1, слабоожелезненное (сырье бежевого цвета, без железистых включений, либо с небольшой их концентрацией) – цифрой 2. В качестве критериев определения естественной примеси талька были использованы признаки, выявленные в работах Л.А. Краевой [Краева, 2018] и И.Н. Васильевой [Васильева, 2011], обращающих внимание на остроугольность, размерность, концентрацию талька в сырье. Заталькованное сырье обозначено строчной буквой «а», незаталькованное – строчной буквой «б» (табл. 2).

Типологически материалы были разделены на несколько групп: к группе 1 («текстильной») отнесены образцы от сосудов № 2а, 2б, 3, 4, 5, 6, к группе 2 (полуденской) – сосуд № 1, к группе 3 (кошкинской) – сосуд № 10.

Наиболее многочисленной оказалась группа «текстильных» сосудов (рис. 3). В качестве сырья было зафиксировано использование глин и илистых глин. Один из образцов вызывает сомнения в плане отнесения исходного сырья к илам или илистым глинам. Образцы сосуда № 5 показали, что исходное пластичное сырье насыщено органикой (включениями детритной растительности, хитина насекомых) а также включениями бурого железняка и песка в концентрации, характерной больше для илов, однако в процессе изучения смутило практически отсутствие в образце остатков водной фауны: обломков раковин, костей и чешуи рыб. Единично был представлен отпечаток

рыбьей косточки с остатками кальцинированной кости. Собираемая эталонная база региона позволяет предположить, что вероятно сырье для лепки этого сосуда отбиралось с некогда обводнённого участка, на момент отбора сырья уже пересохшего и представляет собой переходный вид сырья из илов в илстые глины. В рамках проделанной работы мы склонны определять это сырье скорее, как илстые глины.

Четыре образца «текстильных» сосудов было изготовлено из сильнозапесоченной илистой глины, с естественными включениями детритной растительности, мелких обломков рыбьих косточек, обрывков хитина, комочков известняка и оолитового бурого железняка. Во всех образцах присутствовал кварцевый песок, размерами от пылевидного до 0,1–0,2 мм (преимущественно фракции пылевидного песка и песка размерами 0,01–0,02 мм) в высокой концентрации. В двух образцах в илистой глине присутствовали естественные включения пылевидного талька (рис. 4, 8), редкие фракции – размерами 0,1–0,2 мм.

Два образца из группы «текстильных» сосудов были изготовлены из смеси двух глин. Глины оказались сильнозапесоченными (включения мелкого песка размерами 0,01–0,02 мм в концентрации 1 к 3 – 1 к 4). Основная разница в используемых глинах состояла в степени их ожелезненности. Глина 1 была ожелезненной, содержала включения оолитового бурого железняка, в изломе имела светло-красно-коричневый цвет, вторая глина – серо-бежевого и молочно-бежевого цвета, практически без включений бурого железняка (рис. 4, 6). Можно предположить, что глина бралась в увлажненном состоянии, поскольку практически отсутствуют линзовидные полости и комочки не растворившейся глины, в то же время местами видны плавные переходы из одной глины в другую. В одном из образцов ожелезненная глина оказалась заталькованной.

В качестве искусственных примесей внутри группы было зафиксировано использование шамота (рис. 4, 3, 4, 6), органического раствора (рис. 4, 7) и вероятно охры (рис. 4, 1–3).

Шамот изготавливался из старых керамических сосудов,

дробившихся и добавлявшихся в формовочную массу. В двух сосудах размеры шамота калиброванные – все включения размерами 1,5×2 и 0,7×2 мм, в одном сосуде размер включений варьировал от 1×2 до 2×4 мм. В одном случае шамот состоял из сильнозапесоченной ожелезненной глины, в другом – из заталькованной ожелезненной глины, в третьем – из илистой глины. В одном образце шамот содержал включения более мелкого шамота. Концентрация шамота в формовочной массе составляла 1–4 включения на 1 см², то есть, согласно разработанным шкалам, примерно 1 к 7–10.

В одном сосуде присутствовала примесь органического раствора, визуально фиксируемого по пленкам с жирным блеском диаметром 3–4 мм.

Для двух сосудов можно предположить использование охры в качестве примеси. В формо-

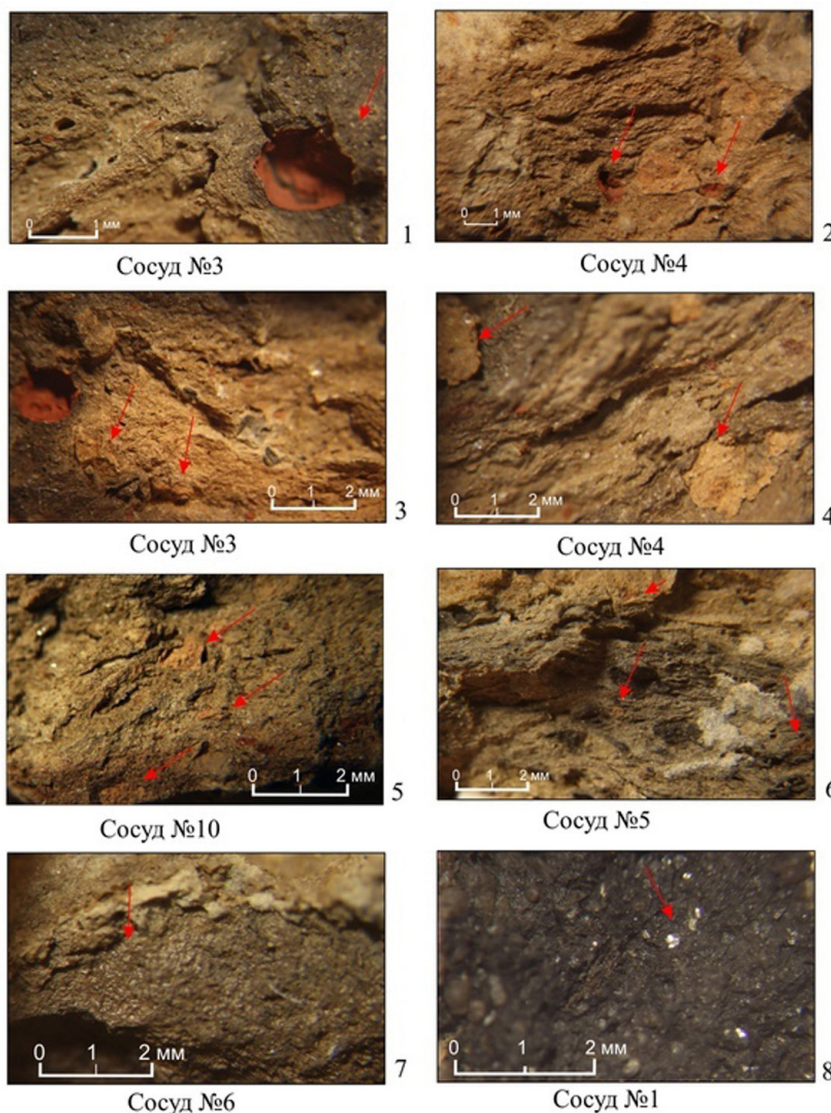

Рис. 4. Стоянка Кошкино V. Техничко-технологический анализ керамики. Примеси в сосудах. 1, 2 – включения охры; 3–6 – включения шамота; 7 – органический раствор; 8 – тальк. Макрофото

Fig. 4. Koshkino V site. Technical & technological analysis of ceramics. Admixtures in vessels. 1, 2 – ochre inclusions; 3–6 – chamotte inclusions; 7 – organics solution; 8 – talc. Macro photographs

вочных массах охра была представлена как окатанными, так и остроугольными включениями малиново-красного цвета размерами 0,5 мм с порошкообразной, либо гранулированной рыхлой структурой, в концентрации 1–3 включения на 1 см², также есть и более мелкие включения размерами до 0,02 мм. Изучению примеси охры в археологической керамике севера Западной Сибири посвящено исследование Е.Н. Дубовцевой [Дубовцева, 2015], в нем автор склоняется к тому, в ряде случаев охра могла быть искусственной примесью. Можно предположить, что северная часть лесостепного Притоболья также относится к территории, где в неолите мог сформироваться навык

добавления охры в формовочную массу. Однако на данный момент не хватает эмпирических данных для того, чтобы говорить об этом с полной уверенностью, необходимы дополнительные наблюдения за сырьем вблизи памятников, экспериментальные исследования и дальнейшее изучение неолитической керамики региона.

Вторая группа представлена одним сосудом полуденского типа (рис. 3, 1; 4, 8). В качестве исходного пластичного сырья была использована илистая глина, о чем свидетельствуют единичные включения детритной растительности размерами 0,2×0,5×1 мм в концентрации 1–2/1 см², а также выключения оолитового бурого железняка раз-

Таблица 2

Технико-технологический анализ исходного сырья и формовочных масс

Table 2

Technical & Technological Analysis of Raw Materials and Molding Masses

№ сосуда	Тип сосуда	ИПС	Естественные включения	Искусственные примеси
1	полуденский	ИГ16	Детритная растительность, песок, оолитовый бурый железняк	Тальк + органический раствор
2а	«текстильный»	ИГ16	Детритная растительность, хитин насекомых, отпечатки рыбьих косточек, песок, бурый железняк, тальк	Шамот
2б	«текстильный»	Г16 + Г26	Песок, бурый железняк	Шамот
3	«текстильный»	ИГ1а	Песок, бурый железняк, известняк, тальк	Шамот + охра?
4	«текстильный»	Г1а+Г26	Песок, бурый железняк, тальк	Шамот + охра?
5	«текстильный»	И/ИГ16	Детритная растительность, хитин насекомых, песок, бурый железняк	Шамот + органический раствор
6	«текстильный»	ИГ1а	Детритная растительность, хитин насекомых, песок, бурый железняк, тальк	Органический раствор
10	кошкинский	ИГ1а	Детритная растительность, песок, бурый железняк, тальк	Шамот

Примечание. ИПС – исходное пластичное сырье; ИГ – илистая глина; Г – глина; И – ил; «1» – ожелезненное сырье; «2» – слабоожелезненное сырье; «а» – заталькованное сырье; «б» – незаталькованное сырье

мерами 0,5 мм в концентрации 1–3/1 см². Естественные включения окатанного песка серого цвета размерами 0,2–0,5 мм в концентрации 54–70/1 см² позволяют характеризовать сырье как сильнозапесоченное. В качестве примесей фиксировался органический раствор, представленный в изломах паутинообразным желтым налетом, а также сланцевая тальковая дресва остроугольной формы размерами 2×3 мм в концентрации 1 к 10.

Третья группа представлена одним сосудом кошкинского типа (рис. 3, 10; 4, 5). В качестве исходного пластичного сырья была использована сильнозапесоченная илистая глина с включениями детритной растительности размерами 0,02×0,5×1 мм в концентрации 2–4/1 см². Также в исходном сырье содержалась естественная примесь пылевидного талька. В качестве искусственной примеси фиксировался шамот размерами 1×1 мм в концентрации 1 к 8–9.

Таким образом, керамический комплекс памятника демонстрирует разнообразие источников исходного пластичного сырья и формовочных масс. В качестве исходного пластичного сырья

могли использоваться как илистые глины, так и глины. Интересным явлением, требующим дальнейшего изучения, является использование формовочных масс из двух глин, отличающихся по степени ожелезненности, а также вероятность использования охры в качестве искусственной примеси.

Результаты

Логикой работы напрашивается сравнение архивных материалов с новыми, полученными в 2020–2022 гг. К сожалению, ввиду физической утраты коллекции 1962 г., в нашем распоряжении только иллюстрации, рисованные в основном по фото и без профилей фрагментов [Ковалева, 1981; 1989]. С определенной долей сомнения можно сопоставить – типологически – фрагмент на рис. 1, 1 с тонким прочерчиванием параллельных волн с фрагментами №№ 10, 13, 15, 16 из «новой» коллекции. Венчику рис. 1, 11 по наличию мелких ямок вдоль венчика и прочерченной (?) линии над и под ними близок фрагмент № 7. Донце рис. 1, 10 выглядит сходным с фрагментами №№ 30 и 32, придонной части рис. 1, 9 по стилистике разре-

женной орнаментации довольно глубокими удлиненными отступающими наколами близки фрагменты сосуда №4. Керамика же с гребенчатой орнаментацией не находит никаких аналогий и упоминаний в прежних исследованиях. Впрочем, ее процент скуден и в нашей коллекции, – она чисто статистически могла не попасть в старый раскоп площадью втрое меньше нашего, либо быть механически пропущенной. Также нет данных о веревочных/текстильных оттисках, однако здесь нужно отметить, что веревочка – один из наиболее затруднительных для фиксации, из-за сходства с гребенчатым штампом, тип орнаментов [Дубовцева, 2013. С. 57] и могла быть легко пропущена.

Деталь, которая бросается в глаза при сравнении коллекций – ее состав. Опубликованная коллекция 1962 г. представлена только профильными частями венчиков и донцов, несколько более крупных, чем в нашем случае. Вероятно, стенки, особенно без орнамента, были отсортированы как неинформативные. В нашем случае отобраны даже мельчайшие фрагменты при наличии на них следов орнамента. Размерность фрагментов на таких малых количествах сравнивать затруднительно. В целом, как будто две коллекции памятника имеют между собой некоторое сходство, однако, в свете текущих историографических представлений, они крайне разнятся данными им интерпретациями.

Заключение

Возобновленные полевые работы на эпонимной стоянке Кошкино V поставили вместо точки в дискуссиях новые вопросы к материалам. Так, па-

мятник не является однослойным, хотя непосредственно неолитический горизонт, судя по стратиграфии и полученным датам, можно уверенно считать единовременным и непродолжительным, что и послужило причиной столь количественно непрезентабельной коллекции. Также, что важнее, комплекс керамики не является однородным, в нем, как и на большинстве памятников Зауралья, так или иначе представлены основные культурно-хронологические типы неолитической посуды региона, а также и не вполне атрибутируемый в настоящий момент тип керамики с веревочными/текстильными оттисками.

Технико-технологический анализ выявил неоднородность комплекса, соответствующую и типологическому составу коллекции: в группе «текстильной» керамики зафиксированы включения охры, известные в таежной зоне Приобья и Конды, но не характерные для неолита Притоболья. Несмотря на кажущуюся аномалию между полученными датами и типологическим возрастом «текстильной» керамики, на основании полевых данных допустимо считать соотношение керамического комплекса с поздним неолитом до получения релевантных данных в регионе. Предварительно материалы стоянки могут отражать некую миграцию с более северных таежных территорий, где известны а) примесь охры в керамике, б) использование веревочных орнаментов и/или текстильных оттисков с позднего неолита, в) строительство святилищ с круглоплановым рвом в основании. Проверка данной частной гипотезы требует целенаправленных разведочных работ в регионе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бобринский А.А., 1978. *Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения*. М.: Наука, 272 с.
- Бушуева Т.Г., Юровская В.Т., 1962. *Отчет об археологических разведках в среднем течении р. Тобола, произведенных летом 1962 г.* (Архив ЮУрГПУ)
- Васильева И.Н., 2011. О технологии изготовления керамики Кокшаровского холма, *Вопросы археологии Урала*, вып. 26, отв. ред. Ю.П. Чемякин. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, с. 103–124.
- Выборнов А.А., Мосин В.С., Епимахов А.В., 2014. Хронология уральского неолита, *Археология, этнография и антропология Евразии*, № 57 (1), с. 38–48.
- Глушков И.Г., Глушкова Т.Н., 2009. *Текстильная керамика как исторический источник (по материалам бронзового века Западной Сибири)*. Сургут: СУрГПУ, 190 с.
- Дубовцева Е.Н., 2013. Орнаментальные традиции Урало-Западносибирского региона (опыт экспериментального моделирования), *Вестник археологии, антропологии и этнографии*, № 4 (23), с. 52–58.
- Дубовцева Е.Н., 2015. Использование охры в керамическом производстве севера Западной Сибири, *Самарский научный вестник*, № 4 (4), с. 37–47. DOI: <https://doi.org/10.17816/snv20154204>
- Еньшин Д.Н., 2020. К вопросу о хронологических позициях боборыкинских и кошкинских комплексов в Нижнем Приишимье (по материалам поселения Мергень-6), *Вестник НГУ. Серия: История, филология*, т. 19, № 7, с. 203–215. DOI: <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-7-203-215>
- Жилин М.Г., Антипина Т.Г., Зарецкая Н.Е., Косинская Л.Л., Косинцев П.А., Иванова Н.К., Савченко С.Н., Успенская О.Н., Чаиркина Н.М., 2007. *Варга 2. Ранне-неолитическая стоянка в Среднем Зауралье (опыт комплексного анализа)*. Екатеринбург: Режевский печатный дом, 99 с.
- Жилин М.Г., Косинская Л.Л., Рыжкова О.В., Савченко С.Н., Устинова Е.А., 2020. Неолитический комплекс стоянки Береговая II Горбуновского торфяника и проблемы неолита Зауралья, *Camera praehistorica*, № 1 (4), с. 27–60. DOI: <https://doi.org/10.31250/2658-3828-2020-1-27-60>
- Зах В.А., 2009. *Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья*. Новосибирск: Наука, 320 с.
- Зданович Г.Б., 1973. Керамика эпохи бронзы Северо-Казахстанской области, *Вопросы археологии Урала*, вып. 12, отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск: УрГУ, с. 21–43.

Клементьева Т.Ю., Погодин А.А., 2020. Стратификация керамических комплексов неолита реки Конды, *Вестник НГУ. Серия: История, филология*, т. 19, № 7, с. 216–228. DOI: <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-7-216-228>

Ковалева В.Т., 1981. О схемах развития неолита лесного Зауралья, *Вопросы археологии Урала*, вып. 15, отв. ред. В.Е. Стоянов. Свердловск: УрГУ, с. 57–61.

Ковалева В.Т., 1989. *Неолит Среднего Зауралья*. Свердловск: УрГУ, 80 с.

Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю., 1998. Историография и дискуссионные проблемы боборыкинской культуры, *Вопросы археологии Урала*, вып. 23, отв. ред. А.В. Шаманаев. Екатеринбург: УрГУ, с. 162–183.

Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю., 2001. Неолитические культуры Среднего Зауралья: генезис, соотношение, взаимодействие, *Проблемы изучения неолита Западной Сибири*, отв. ред. В.А. Зах. Тюмень: ИПОС СО РАН, с. 46–56.

Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю., 2008. Историография и обзор основных памятников кошкинской культуры Среднего Зауралья, *Вопросы археологии Урала*, вып. 25, отв. ред. В.Т. Ковалева. Екатеринбург: Сургут: Магеллан, с. 73–113.

Краева Л.А., 2018. Гончарное производство сарматских племен Западного Казахстана и проблемы изучения, *Археология ранних кочевников Евразии*, отв. ред. В.Н. Мышкин. Самара: Книжное издательство, с. 140–151.

Крижевская Л.Я., 1970. Некоторые данные о неолите и ранней бронзе западносибирского лесостепья, *Сибирь и ее соседи в древности*, отв. ред. В.Е. Ларичев. Новосибирск: Наука, с. 153–162. (Древняя Сибирь. Материалы по истории Сибири. Вып. 3)

Крижевская Л.Я., 1977. *Раннебронзовое время в Южном Зауралье*. Л.: ЛГУ, 159 с.

Мосин В.С., 2016. Социокультурное пространство в позднем каменном веке, *Вестник Пермского университета. История*, № 1 (32), с. 19–27.

Чаиркина Н.М., Беспрозванный Е.М., Молодин В.И., 2020. Комплексы с плоскодонной керамикой в неолите Зауралья и Западной Сибири: современное состояние проблем изучения, *Вестник НГУ. Серия: История, филология*, т. 19, № 7, с. 34–43. DOI: <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-7-34-43>

Чалая Л.А., 1973. Поздненеолитический инвентарь и хозяйство стоянки Иман-Бурлук, *Археологические исследования в Казахстане*, отв. ред. А.К. Акишев. Алма-Ата: Наука, с. 188–203.

Шорин А.Ф., Шорина А.А., 2018. Радиоуглеродное датирование неолитических комплексов Кокшаровского холма, *Уральский исторический вестник*, № 3 (60), с. 97–107. DOI: [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2018-3\(60\)-97-107](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2018-3(60)-97-107)

Шорин А.Ф., Шорина А.А., 2019. Неолитические комплексы Кокшаровского холма: генезис, этапы развития и культурная преемственность, *Самарский научный вестник*, т. 8, № 2 (27), с. 262–268. DOI: <https://doi.org/10.24411/2309-4370-2019-12223>

REFERENCES

Bobrinsky, A.A., 1978, *Pottery of Eastern Europe. Sources and methods of study*. Nauka, Moscow, 272 p. (In Russ.)

Bushueva, T.G., Yurovskaya, V.T., 1962. *Report on archaeological surveys in the middle reaches of the Tobol River, conducted in the summer of 1962*. (YuUrGGPU Archive) (In Russ.)

Vasilyeva, I.N., 2011, “On the technology of making ceramics of the Koksharovskiy Hill”, *Ural Archaeology Issues*, iss. 26, ed. Yu.P. Chemyakin, Magellan, Ekaterinburg, Surgut, pp. 103–124. (In Russ.)

Vybornov, A.A., Mosin, V.S., Epimakhov, A.V., 2014, “Chronology of the Uralian Neolithic”, *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, no. 57 (1), pp. 38–48. (In Russ.)

Glushkov, I.G., Glushkova, T.N., 2009, *Textile ceramics as a historical source (based on materials from the Bronze Age of Western Siberia)*. SurGPU, Surgut, 190 p. (In Russ.)

Dubovtseva, E.N., 2013, “Ornamental traditions of Ural-West Siberian region (an experience of experimental modeling)”, *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii*, no. 4 (23), pp. 52–58. (In Russ.)

Dubovtseva, E.N., 2015, “The use of ochre in ceramic production in the North of Western Siberia”, *Samara Journal of Science*, no. 4 (4), pp. 37–47. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17816/snv20154204>

Yenshin, D.N., 2020, “The Chronological Positions of the Boborykino and Koshkino Complexes in the Lower Ishim River Region (Based on Materials of the Mergen-6 Settlement)”, *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, vol. 19, no. 7, pp. 203–215. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-7-203-215>

Zhilin, M.G., Antipina, T.G., Zaretskaya, N.E., Kosinskaya, L.L., Kosintsev, P.A., Ivanova, N.K., Savchenko, S.N., Uspenskaya, O.N., Chirkina, N.M., 2007, *Varga 2: Early Neolithic Site in the Middle Transurals: (Experience of Complex Analysis)*. Rezhnevskoy pechatnyy dom, Ekaterinburg, 99 p. (In Russ.)

Zhilin, M.G., Kosinskaya, L.L., Ryzhkova, O.V., Savchenko, S.N., Ustinova, E.A., 2020, “Neolithic complex of the site Beregovaya II at the Gorbunovski Peat Bog and problems of the Neolithic of the Trans-Urals”, *Camera praehistorica*, no. 1 (4), pp. 27–60. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31250/2658-3828-2020-1-27-60>

Zakh, V.A., 2009, *Chronostratigraphy of the Neolithic and Early Metal of the Forest Tobolo-Ishim*. Nauka, Novosibirsk, 320 p. (In Russ.)

Zdanovich, G.B., 1973, “Bronze Age ceramics of the North Kazakhstan region”, *Ural Archaeology Issues*, iss. 12, ed. V.F. Gening, UrGU, Sverdlovsk, pp. 21–43. (In Russ.)

Klementyeva, T.Y., Pogodin, A.A., 2020, “Stratification of Neolithic ceramic complexes in the Konda River Basin”, *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, vol. 19, no. 7, pp. 216–228. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-7-216-228>

Kovaleva, V.T., 1981, “On the Neolithic development schemes of the Forest Trans-Urals”, *Ural Archaeology Issues*, iss. 15, ed. V.E. Stoyanov, UrGU, Sverdlovsk, pp. 57–61. (In Russ.)

Kovaleva, V.T., 1989, *The Neolithic of the Middle Urals*. UrGU, Sverdlovsk, 80 p. (In Russ.)

Kovaleva, V.T., Zyryanova, S.Yu., 1998, Historiography and debatable problems of Boborykin culture, *Ural Archaeology Issues*, iss. 23, ed. A.V. Shamanaev, UrGU, Ekaterinburg, pp. 162–183. (In Russ.)

Kovaleva, V.T., Zyryanova, S.Yu., 2001, “Neolithic cultures of the Middle Urals: genesis, correlation, interaction”, *Problems of studying the Neolithic of Western Siberia*, ed. V.A. Zakh, IPOS SO RAN, Tyumen, pp. 46–56. (In Russ.)

Kovaleva, V.T., Zyryanova, S.Yu., 2008, “Historiography and review of the main monuments of the Koshkin culture of the Middle Trans-Urals”, *Ural Archaeology Issues*, iss. 25, ed. V.T. Kovaleva, Magellan, Ekaterinburg, Surgut, pp. 73–113. (In Russ.)

Kraeva, L.A., 2018, “The pottery of the Sarmatian tribes of Western Kazakhstan and problems of studying ceramics”, *Archeology of the Early Nomads of Eurasia*, ed. V.N. Myshkin, Book Publishing House, Samara, pp. 140–151. (In Russ.)

Krizhevskaya, L.Ya., 1970, “Some data on the Neolithic and Early Bronze Age of the West Siberian forest-steppe”, *Siberia and its neighbors in Ancient Times*, ed. V.E. Larichev, Nauka, Novosibirsk, pp. 153–162. (Ancient Siberia. Materials on the history of Siberia. Iss. 3) (In Russ.)

Krizhevskaya, L.Ya., 1977, *Early Bronze age in the Southern Trans-Urals*. LGU, Leningrad, 159 p. (In Russ.)

Mosin, V.S., 2016, “Sociocultural Space in the Late Stone Age”, *Perm University Herald. History*, no. 1 (32), pp. 19–27. (In Russ.)

Chirkina, N.M., Besprozvanny, E.M., Molodin, V.I., 2020, “The Complexes with Flat-Bottomed Ceramics in the Neolithic of the Urals and Western Siberia: Current State of the Problems of Study”, *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, vol. 19, no. 7, pp. 34–43. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-7-34-43>

Chalaya, L.A., 1973, “Late Neolithic inventory and economy of the Iman-Burluk site”, *Archaeological research in Kazakhstan*, ed. A.K. Akishev, Nauka, Alma-Ata, pp. 188–203. (In Russ.)

Shorin, A.F., Shorina, A.A., 2018, “Radiocarbon dating of the Koksharov Hill Neolithic complexes”, *Ural Historical Journal*, no. 3 (60), pp. 97–107. (In Russ.) DOI: [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2018-3\(60\)-97-107](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2018-3(60)-97-107)

Shorin, A.F., Shorina, A.A. 2019, “Neolithic complexes of the Koksharovsky hill: genesis, stages of development and cultural continuity”, *Samara Journal of Science*, vol. 8, no. 2, pp. 262–268. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.24411/2309-4370-2019-12223>

Сведения об авторах

Екатерина Сергеевна Яковлева, Центр историко-культурных исследований «Астра», Российская Федерация, г. Челябинск. E-mail: lugsamildanah@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-3805-7155

Екатерина Валерьевна Гладышева, Центр историко-культурных исследований «Астра», Российская Федерация, г. Челябинск. E-mail: newborn637@gmail.com, ORCID: 0009-0008-7099-5855

Information About the Authors

Ekaterina S. Yakovleva, Center for Historical and Cultural Research “Astra”, Russian Federation, Chelyabinsk. E-mail: lugsamildanah@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-3805-7155

Ekaterina V. Gladysheva, Center for Historical and Cultural Research “Astra”, Russian Federation, Chelyabinsk. E-mail: newborn637@gmail.com, ORCID: 0009-0008-7099-5855